

АЛФРЕД ДЕ МЮССЕ

ГАМИАНИ

ИЛИ
ДВЕ НОЧИ
сладострастия

Альфред де Виньи

**Гамиани, или Две
ночи сладострастия**

«Седьмая книга»

де Виньи А.

Гамиани, или Две ночи сладострастия / А. де Виньи — «Седьмая книга»,

Если ты веришь в зло, значит ты совершил его. Все мужчины – лжецы, болтуны, лицемеры, гордецы и трусы, похотливые, достойные презрения. Все женщины – хитрые, хвастливые, неискренние, любопытные и развратные. Но самое святое и возвышенное в мире – это союз этих несовершенных, отвратительных существ. Появление романа Альфреда де Мюссе «Гамиани, или Две ночи сладострастия» на книжном прилавке произвело ошеломляющее впечатление на современников. Лишь немногие знатоки и ценители сумели разглядеть в скандальном произведении своеобразную и тонкую пародию на изжившие себя литературные каноны романтизма.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алфред де Виньи

Гамиани, или Две ночи сладострастия

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Близилась полночь. Обширные залы великолепного особняка графини Гамиани были залиты светом. Блестящие наряды, сверкающие драгоценности, пышные экзотические прически, разгоряченные лица – все это кружилось, смеялось в стремительном веселом калейдоскопе. Музыканты, не щадя сил, старались перекрыть многоголосый шум, но взрывы смеха порой заглушали музыку. Бал был в полном разгаре, всех охватило бесшабашное, безудержное веселье, а новые гости все продолжали прибывать. Поначалу, ослепленные, они в нерешительности останавливались на пороге, но через мгновение исчезали в вихре праздника.

Однако меня мало увлекала эта экзальтированная игра красок, света и тени. Я стоял, прислонившись к белой мраморной колонне, и внимательно наблюдал за хозяйкой – царицей бала. Грациозно двигаясь по зале, графиня Гамиани щедро одаривала ослепительной улыбкой восхищенных гостей. Она была фантастически прекрасна, ее нечеловеческая, демоническая красота буквально сводила с ума всех, кто имел счастье хоть раз видеть ее. Но в ответ на страстные взгляды даже самых блестящих красавцев она лишь улыбалась, и в ее улыбке сквозило такое высокомерное безразличие, что ни у кого не оставалось ни малейшей надежды на успех.

Злословье не щадит никого из нас. Красота графини служила предметом зависти женщин, а ее холодность приводила в ярость отвергнутых мужчин. Если бы хоть к одному из них она была благосклонна, если бы одному из них дала малейший повод для ухаживания... Но не иметь ни одного любовника... Нет, этого свет ей не мог простить. Одни называли ее женщиной, лишенной сердца и темперамента, другие говорили, что она носит глубокую рану в сердце и стремится уберечь себя от жестоких разочарований в будущем. Но все были убеждены в одном: здесь кроется какая-то тайна.

Все это, однако, не мешало завистникам пользоваться гостеприимством графини. Возможно, что многим хотелось попытаться раскрыть тайну хозяйки дома. Во всяком случае, я, верный своему характеру наблюдателя, решил во что бы то ни стало заглянуть если не в душу графини, то хотя бы в ее будуар и спальню. Чутье подсказывало мне, что именно там я увижу то, что сможет утолить мою жажду познания.

Я глубоко задумался, изыскивая способ проникнуть в святая святых всех женщин света и полусвета. Мои размышления прервал вкрадчивый голос маркиза Р., старого развратника, который, как утверждали его друзья, не обошел своим вниманием ни одной парижской красавицы и был прекрасно знаком с убранством их спален.

– Я чувствую, что молодой человек стал жертвой всеобщего интереса к нашей красавице, – прокартавил он, подойдя ко мне.

Я пробормотал в ответ что-то невнятное.

– Я не могу утверждать точно, – продолжал он, – логика здесь бессильна, логика оперирует только фактами, а когда их нет, нам остается рассчитывать только на свою интуицию. И если интуиция меня не обманывает, то графиня просто-напросто Трибада. Но, повторяю, я ничего не утверждаю...

Трибада! Это слово навряд ли скажет что-либо непосвященному, но мне, достаточно искусственному, знакомому со всеми явлениями противоречивой и подчас извращенной человеческой жажды наслаждений, мне, несущему бремя всех страстей человеческих, было известно, что скрывается за этим невинным на первый взгляд словом.

Сладострастие, не сдерживаемое никакими условностями стремление утолить свою жажду наслаждений, порочное и бесстыдное, грязное и уродливое, воспаляющее воображение и желание. Неистовое безумие, заманчиво приближающее удовлетворение, которое человек всегда хочет найти, но никогда не находит, хотя, собственно говоря, это и является главной и, пожалуй, единственной целью жизни, когда кажется, что вы вот-вот достигнете блаженного

состояния и ваше тело и душа соединятся и сохранят эту гармонию вечного. Индусы называют такое полное слияние тела и духа «нирваной». Впрочем, многие приходят к убеждению, что лишь смерть сможет дать полное удовлетворение человеку.

Картины изощренных наслаждений целиком заняли мое воображение. Напрасно я отодвигал эти образы, они в мгновение ока погрузили мое сознание в разгульный вихрь фантазий. Я уже видел перед собой обнаженную графиню в объятиях другой женщины, с распущенными волосами, задыхающуюся, бьющуюся в муках неопишуемой сладости. Моя кровь тут же воспламенилась, чувства во мне напряглись. Как оглушенный, я опустился на диван.

Придя в себя от этого урагана чувств, я принялся обдумывать план проникновения в спальню Гамиани. Мне захотелось во что бы то ни стало захватить графиню врасплох в ночной, таинственный час любви...

Обстоятельства благоприятствовали удачному осуществлению моего плана. Около двух часов ночи, когда веселье почти затихло, и утомленные гости начали разъезжаться, я улучил момент и проскользнул, незамеченный, к лестнице, ведущей на второй этаж. Там, я рассчитывал, должна была располагаться спальня. Бесшумно шел я через анфиладу роскошных комнат. Все здесь говорило об изысканнейшем вкусе хозяйки. Изящная мебель прекрасно гармонировала с древними вазами, великолепными картинами и статуями, многие из которых, я уверен, могли бы украсить даже Лувр. Причудливой формы светильники излучали мягкий свет. Меня особенно поразило обилие мягких и толстых ковров, которые устилали все полы и висели на стенах. Казалось, что это сделано было для того, чтобы ни один звук не был услышан за пределами этих комнат...

Однако надо было спешить: графиня в любую минуту может сюда войти и тогда все мои планы рухнут... Я очутился перед массивной дверью, но все мои попытки открыть ее закончились неудачей. Неужели все погибло? Я собрал все силы и надавил на дверь плечом. Замок, наконец, щелкнул и я, не удержавшись, влетел в довольно большую комнату. Захлопнув за собой дверь, я осмотрелся. Тусклый красный свет окутывал плотной завесой стены, воздух в комнате казался густым и вязким. Прошло несколько минут, прежде чем мои глаза привыкли к свету, и я смог разглядеть убранство комнаты. Не оставалось никаких сомнений – это была спальня. В глубине стояла низкая, очень широкая кровать, пол устилал ковер с длинным и пушистым ворсом. Мое внимание привлекла стеклянная дверь, наполовину закрытая портьерой. Она находилась как раз напротив постели, и я решил, что трудно будет выбрать более удачное место для наблюдений.

Едва я спрятался за портьерой, как дверь, через которую я несколько минут назад вошел в спальню, распахнулась, и в комнату вошла графиня в сопровождении прелестной молоденькой девушки, которой нельзя было дать на вид больше восемнадцати лет. Графиня дернула за шнурок звонка, и через мгновение в спальне появилась служанка, смуглая девушка с пышной грудью и роскошными бедрами.

– Жюли, милочка, – обратилась к ней графиня, – сегодня вы мне не понадобятся. Можете идти к себе, я проведу эту ночь без вас. Впрочем, возможно, я позову вас позже.

– Хорошо, мадам, доброй ночи, – равнодушно произнесла Жюли и исчезла.

– Жаль, конечно, дорогая Фанни, что вам не удалось воспользоваться моим экипажем, но уверяю вас, что вы не пожалеете, что провели эту ночь у меня. Я не представляю даже, как в такую мерзкую погоду вы добрались бы до дому. А маму вашу я предупредила...

– Я не знаю, как благодарить вас, графиня, вы так добры ко мне! – застенчиво проговорила Фанни.

– Не стоит благодарить меня, деточка, – покровительственно улыбнулась Гамиани, – мне очень приятно было оказать вам эту небольшую любезность. Не стесняйтесь меня и готовьтесь ко сну, а я пока немного поболтаю с вами. Давайте, я помогу вам, – с этими словами она подошла к девушке и расстегнула на ней платье. Я заметил, что руки у нее при этом дрожали, а глаза

буквально ощупывали фигуру Фанни и горели алчным вождением. Фанни даже съежилась под этим взглядом.

– Вы так прелестны, милое дитя, – вкрадчиво и даже льстиво проговорила Гамиани, – что мне захотелось поцеловать вас. Вы ведь позволите, не правда ли?

Девушка в ответ растерянно улыбнулась, и графиня прильнула жадным поцелуем к ее губам. Когда Фанни удалось высвободиться из объятий Гамиани, и она увидела блуждающий взор графини, то испугалась за нее, поспешив усадить свою старшую подругу на кровать.

– Вам дурно? – спросила Фанни.

– Нет, нет! – торопливо ответила графиня. – Ложитесь-ка лучше спать. Да снимите с себя эту несносную сорочку!

Фанни, послушно глядя на графиню, сняла кружевную нижнюю рубашку и нежным, робким движением обняла Гамиани за плечи:

– Может быть, вам что-нибудь нужно? Позвать вашу горничную?

– Нет, нет... Какая у вас великолепная фигура! Какое тело! – с неподдельным восхищением воскликнула графиня.

– Вы находите, что я хороша?

– Восхитительна. Какая у вас прекрасная белая кожа! Вот чему можно позавидовать!

– Неправда, вы гораздо белее меня.

– Дитя мое, не думайте ни о чем, снимайте с себя все-все, как снимаю я. Ну, чего вам стыдиться, ведь вы не перед мужчиной! Вот, взгляните на себя в зеркало: в нем я и вы. Будь здесь сейчас мужчина, он, конечно бы, отдал предпочтение вам! – воскликнула графиня и в порыве экзальтации начала осыпать жаркими поцелуями лицо, шею, плечи и грудь Фанни.

Бедная девушка совершенно растерялась под страстным натиском подруги.

– Что вы, что вы? – лепетала она. – О, Боже... Оставьте меня, умоляю вас...

– Какая красота открылась моему взору! Какое зрелище взволновало мою кровь!.. – продолжала страстно шептать графиня, и ее губы пылко и сладостно пробегали по телу Фанни.

Девушка была подавлена этим бурным взрывом страстного восхищения и что-то стыдливо лепетала, позволяя графине делать с собой все, что было той угодно. Моему взору представилось поистине прекрасное зрелище: девушка-ангел в объятиях распаленной вакханки. Боязливый стыд, испуганное целомудрие, грациозная женственная покорность – с одной стороны, и ничем не сдерживаемая похоть, страстное, бесстыдное самозабвение – с другой. Эта картина привела меня в экстаз, но я еще владел своими чувствами и, понимая, что меня ждет еще много интересного, с большим трудом сдерживал себя, ибо если бы мое присутствие было обнаружено, мне пришлось бы покинуть свою ложу в самом начале представления.

Тем временем Фанни, как бы опомнившись и освободившись от сладострастных чар Гамиани, робко попыталась сопротивляться.

– О, что вы делаете! Умоляю вас, отпустите меня... О-о-о!

В ответ на это графиня еще более пылко и страстно принялась ласкать бедную девушку.

– Нет, нет, моя милая Фанни! Моя жизнь, мое дитя, моя радость!

Ты слишком прекрасна! Ты видишь, я люблю тебя! – страстно шептала она. – О-о-о, я схожу с ума!..

Тщетно беззащитная девушка противилась, – поцелуи заглушали ее крики и мольбы о пощаде. Заключение в страстные объятия, нежно, но цепко обвитая руками Гамиани, уже начавшая сама проникаться духом сладострастия и разврата, она сопротивлялась все слабее и слабее. Наконец, графиня, доведенная уже до состояния аффекта, решительно и нетерпеливо подхватила ослабевшее тело девушки и стремительно увлекла его к своей кровати, как хищник добычу.

– Что вы со мной делаете? О, Боже! Остановитесь! Я буду кричать!

Оставьте меня, я вас боюсь! Помогите! – вскрикнула Фанни. Глаза ее были широко открыты, но ужас в них постепенно уступал место жгучему желанию еще неизведанных наслаждений.

Сильные руки графини крепче сжимали в своих объятиях девушку, горячие поцелуи покрывали ее всю. И вот уже два женских тела слились в едином страстном объятии.

– Ох, это плохо, дурно, – бессвязно лепетала Фанни, – вы меня погубите... ох, я умираю...

– Фанни, прижмись ко мне плотнее, умоляю... ближе... еще ближе... я хочу почувствовать тебя всю. Крепче обними меня, ну же... О, какое счастье... о, Боже... О-о-о-ох!.. – крик, вырвавшийся из груди графини, повис над двумя распростертыми на ложе телами.

Это было поразительное зрелище. Графиня, с горящими глазами, распущенными по плечам волосами, извиваясь, со страстными стонами все вновь и вновь бросалась на свою жертву, не находя, очевидно, способа удовлетворить желание. Фанни уже не только отдавалась ласкам Гамиани, но и сама отвечала на них со страстью ничуть не меньшей. Обе они находились в беспрестанном движении, сладострастные позы стремительно сменяли одна другую, огненные поцелуи заглушали крики и стоны. Особенно усердствовала графиня, изощряясь в своих похотливых движениях, развратных приемах и ласках. Кровать хрустела от ее исступленных толчков.

Вскоре изнуренная, ослабевшая Фанни, безжизненно раскинув руки, замерла. Смертельно бледная, она лежала среди беспорядочно разбросанных подушек и простыней, как прекрасная покойница. Видя, что обессиленная девушка не способна больше отвечать на ее исступленные ласки, доведенная почти до безумия незавершенным наслаждением, графиня, как в бреду, бросилась на ковер. Она, как израненный зверь, обезумевший от боли, каталась по нему, неестественно выгибала свое тело, стонала, кусала себе губы... Погрузив длинные тонкие пальцы в то место, где был расположен источник мучающего ее желания, скрежеща зубами, она старалась достигнуть вершины наслаждения.

При этом зрелище я совсем потерял рассудок. Сначала эта картина вызвала у меня отвращение, и я совсем уже было решил выйти из своего убежища и, обрушив на графиню лавину своего негодования, прекратить это надругательство над прекрасным телом, над самыми сокровенными человеческими чувствами. Но мой целомудренный и благородный порыв тут же был заглушен волной нахлынувших на меня сладострастных желаний. О, как слаб человек! Тело мое трепетало, и я был не в силах унять эту дрожь, обуздать свою плоть.

Сорвав с себя одежду, весь во власти самых низменных инстинктов, с гордо поднятым символом мужской силы, я устремился к прекрасной Фанни. Я видел перед собой нагое прекрасное женское тело и, не помня себя от страсти, заключил его в свои объятия. Прежде, чем Фанни поняла, что подверглась новому нападению, я торжествуя вонзил свой горящий от нетерпения приап в заветную ложбину... Я чувствовал, как подо мной, отвечая каждому моему толчку, извивается гибкое тело моей желанной. Я осыпал ее лицо страстными поцелуями и, впившись губами в пылающий рот девушки, нашел ее язык, колющий и жгучий...

– О, Боже, я умираю... – Фанни на мгновение судорожно сжала меня нежными руками, замерла, но тут же с новыми силами принялась дарить мне свои неистовые ласки.

– Ах, Фанни, – воскликнул я, – постой... теперь ты... о-о-ох! – и я почувствовал, что умираю от блаженства.

Лежа в объятиях Фанни, совершенно обессиленный, я внезапно ощутил, как чьи-то руки вцепились в меня. Графиня, привлеченная нашими бурными вздохами, вонзившись пальцами в мое тело, кусала меня в припадке ревности, стараясь вырвать из объятий своей подруги. Этот яростный натиск пробудил вновь мои угаснувшие было желания. Между двух голых женских тел, пылающих страстной жаждой наслаждения, возбужденных, алчущих, я снова овладел Фанни и, властвуя над покорной девой, продолжал бороться с графиней, решив не уступать ей свою возлюбленную. Я оказался в самом центре сплетения трех тел, мечущихся, сцепившихся

одно с другим. Воспользовавшись моментом, когда бедра графини оказались рядом с моей головой, я крепко сжал их и жадно погрузил свой язык в воспаленную, влажную часть ее тела. Фанни в это время в самозабвении любовно ласкала пышную грудь графини. В мгновение ока безумствующая Гамиани была побеждена и усмирена.

– О, какой огонь вы зажгли! – восторженно восклицала ненасытная графиня. – Это безумие... о-о-о... пощадите... я не выдержу... о, какая жгучая сладость... вы сошли с ума... Боже... я задыхаюсь... я умираю...

Обмякшее тело графини, наконец, тяжело откатилось в сторону, и теперь я смог отдать весь свой пыл одной только Фанни. Она в безумном восторге прижалась ко мне всем телом, обвилась вокруг меня и скрестила ноги за моей спиной.

– Любимый... ты мой... весь... совсем... только мой... еще, еще... ну же подожди минутку... остановись... о-о-ох... постой... ох... я не могу больше.

Фанни была просто восхитительна. Я упивался ее ласками, казалось, что мое желание никогда не иссякнет. Но есть предел и у человеческих возможностей. Мы остановились почти одновременно и, обессиленные, широко открытым ртом жадно глотали воздух.

Мало-помалу мы пришли в себя. Все трое, поднявшись, мы с минуту молча смотрели друг на друга. Вдруг графиня, будто устыдившись своей наготы, поспешила завернуться в простыню. Фанни с не меньшей поспешностью последовала ее примеру. Теперь, скрыв свою наготу от моих глаз, Гамиани, по всей вероятности, решила, что должна каким-то образом отреагировать на мое присутствие в ее спальне и что лучшей реакцией на мой столь бесцеремонный визит будет именно возмущение, которое она не замедлила выразить мне.

– Сударь, – заявила она холодно и бесстрастно, как и подобает настоящей светской даме, – ваше вторжение для меня большая неожиданность, причем весьма неприятная. Я склонна расценивать ваш беспрецедентный поступок как крайне бесчестный и даже подлый.

Я попытался собраться с мыслями и найти себе какое-то оправдание.

– Вы должны понимать, – продолжала она, – что женщина никогда не простит тому, кто застал ее врасплох и воспользовался ее слабостью и беззащитностью. То, что вы сделали, ужасно...

Я прервал ее и с видом, выражающим полное мое раскаяние, предпринял попытку защитить себя. Я говорил о своей непреодолимой страсти к прекрасной графине, о том, как безумно я страдал, не надеясь на то, что она когда-нибудь будет принадлежать мне, что своей холодностью и безразличием она довела меня до отчаяния и что именно оно побудило меня прибегнуть к этой маленькой хитрости, а потом уже и к насилию, что совсем не входило в мои планы, но как я, слабый человек, мог устоять перед таким искушением.

– Я виноват, – говорил я, – но вы ведь знаете, прекрасная Гамиани, что такое страсть, она толкает человека на самые безумные поступки. Человек теряет власть над собой, он перестает принадлежать себе. Я тоже стал жертвой своей страсти, которую не сумел обуздать, что лишней раз служит подтверждением ее великой силы. Я понимаю, что вас тревожит мысль о том, что подробности событий этой неповторимой ночи могут выйти за пределы вашей спальни. Даю вам честное слово благородного человека, что я, навсегда сохранив память о том, что увидел и испытал сегодня ночью, буду нем, как могила. Так что забудьте ваши опасения. Вы созданы для наслаждения, графиня, как и вы, Фанни, а поэтому не надо думать ни о чем, кроме наслаждения. Не каждому дано испытать то, что мы все испытали сегодня. Думаю, вы не будете отрицать, что вы все-таки наслаждались. Итак, вперед к наслаждению! Ничего, кроме наслаждения, пока бьется сердце, не угасают желания, пока мы молоды и сильны!

С этими словами я встал на колени, пылко и почтительно поцеловал руку, любезно протянутую мне Гамиани. Она была очень растрогана моей искренностью. Фанни вдруг заплакала, не то по той же причине, которая растрогала графиню, не то в ней вдруг проснулся стыд. Я, преисполненный самых благих намерений, поспешил ее утешить.

– Не плачьте, милая Фанни, поверьте, что слезы здесь совершенно неуместны. Не думайте о том, что вы потеряли, а найдите в себе силы забыть о потере и оценить то, что вы нашли здесь этой ночью. Представьте себе ту блаженную сладость, которую вы испытали, и пусть она останется в вашей девичьей памяти счастливейшим сновидением.

О, чудо! Фанни после моих слов мгновенно успокоилась и, хотя слезы все еще блестели в ее огромных глазах, на губах уже светилась кроткая и счастливая улыбка. Я не удержался и поцеловал ее сначала во влажные глаза, а потом в улыбающиеся губы. И это послужило как бы сигналом к тому, что настала пора уже снова вернуться к прерванным наслаждениям и испытать новые.

Фанни обняла меня за шею, и через мгновение мы втроем слились в одном объятии, состязаясь в ласках, поцелуях и во всех тех милых шалостях, которые только могут позволить себе любовники. Фанни по-прежнему была старательна и покорна, в забвении целиком отдаваясь сладострастию. Я был так же неутомим, как и прежде, а графиня покоряла нас своей изысканностью, изощренностью, неиссякаемостью своей фантазии. Она вдохновляла нас извращенным разнообразием своих приемов, и мы шли за ней, жадные и пытливые, в страну неизведанных еще наслаждений, горя желанием, обезумев от счастья.

– О, мои прекрасные подруги, – воскликнул я в бешеном восторге, – отдадимся друг другу до конца! Так, как если бы эта ночь была последней!.. Посвятим же ее всю сладострастию, сбросим с себя оковы условностей!

– Жребий брошен, – подхватила мой призыв Гамиани, – к наслаждению! Ко мне, Фанни! Целуй же меня! Сюда... сюда... и сюда... Ну, глупышка, теперь я. Дай мне себя... О, я искусила бы все твое тело... Альсид, за дело! О, ты великолепное животное! Каким сокровищем наградила тебя природа... О, умоляю, отведите в сторону ваше грозное оружие – в борьбе со мной оно не принесет вам удачи.

– И все-таки, я начну с вас, дорогая. Уверяю, что вы совершенно напрасно пренебрегаете этим способом удовлетворения. Конечно, он слишком прост, но и в простоте немало прелести. Лягте так, чтобы я лучше видел мишень. Вот так, – я руководил и командовал, как полководец на поле битвы, – блестяще, графиня. Как вы соблазнительны, черт возьми! Теперь вы, Фанни. Встаньте на колени и раздвиньте ноги. Нет же, лицом ко мне. Так. Теперь займите позицию над головой Гамиани. Отлично. Берите в руки мой снаряд. Прицельтесь и бейте в цель между бедер графини... Ммм, поменьше экспрессии, не так сильно. Гамиани, только без фокусов, а то вы меня покалечите...

Графиня качала бедрами, как бешеная, уделяя куда больше внимания своим поцелуям Фанни, чем мне. Видя, что я трачу свой пыл понапрасну, я воспользовался благоприятным моментом и резким движением притянул Фанни к себе, предоставив графине возможность выбирать наслаждение по своему вкусу. Та выскользнула из-под меня и поспешила воспользоваться языком Фанни, который девушка с готовностью предоставила в ее распоряжение. Теперь, кажется, все трое были довольны. Особенно графиня, которая громко стонала и смеялась.

Потом, когда Фанни стала уже совсем бесчувственна от нашего двойного напора, она бросилась на меня, опрокинула на спину и, взяв в рот предмет своих вожелений, принялась жадно сосать мое орудие любви. В этом искусстве я никогда больше не встречал равных ей. Она сумела бы доставить наслаждение даже евнуху, да что там евнуху – покойнику! Потом, не выпуская изо рта мой, снова воспрявший фаллос, она обняла своими бедрами мою голову и заставила меня языком отвечать на ее ласки... Мы катались с ней по постели, состязаясь в безумстве, в силе своей страсти...

Мы оба устали, но никто не хотел первым в этом признаться. Наконец, я собрался с силами и вырвался из страстных объятий Гамиани.

– Что вы, Альсид, – промолвила графиня недовольным голосом, как если бы я нарушил ее сладкий сон.

Я не в силах был даже объяснить ей что-либо.

– О, я понимаю вас, – продолжала она, – видно, я вас совсем измучила. Я вас прощаю, тем более, что вы ни в чем не виноваты. Вы сделали все, что было в ваших силах, и даже больше. Но меня невозможно удовлетворить. Это мое несчастье. Возможно, тут имеет место какое-либо психическое заболевание, нервное расстройство. Право, не знаю, но всю жизнь это мучит меня, не дает мне покоя. Все общеизвестные, нормальные виды наслаждения вызывают у меня не больше эмоций и приносят мне не больше радостей, чем голодному малюсенький кусочек хлеба. Мало того, что этот кусочек хлеба его не насытит, он вызовет еще более острое чувство голода, утолить которое будет еще труднее. Так и я. Я всегда чувствую безумное желание, но никогда мне не удастся удовлетворить его. Это невыносимо. Я довожу себя до полного физического изнеможения, я теряю рассудок. Каждый раз я надеюсь, что сегодня-то я, наконец, обрету свое счастье, но напрасно я обманываю себя. Воображение рисует мне прекрасные картины наслаждений, но в действительности я испытываю одно разочарование. Я знаю, что стремлюсь к невозможному, но что подделаешь – чем меньше можешь, тем больше хочешь. И я изоощряюсь в разных выдумках, но без всякого успеха. Кажется, что вот-вот я достигну цели, но близкое, на первый взгляд, удовлетворение ускользает вдруг куда-то, и я остаюсь еще более опустошенная, несчастная, чем раньше...

В словах Гамиани звучало такое неподдельное отчаяние, такая боль, что я невольно почувствовал что-то вроде жалости к этой странной, необыкновенной женщине. Конечно, она делала зло, развращая других, но и сама безумно страдала. Как же случилось, что она стала такой, что привело ее к этому, какой трагический поворот был в ее судьбе.

Гамиани будто прочитала мои мысли и начала свой рассказ...

Глава 2

Не думайте, что я ищу у вас жалости или сочувствия. Это совсем не так. Просто иногда очень хочется остановить первого встречного и рассказать ему обо всем, что послужило причиной моей извращенности. Это моя тайна, но хранить ее невыносимо трудно. Она меня тяготит, она рвется наружу, и появляется почти непреодолимое желание поделиться с кем-нибудь, облегчить душу, взвалить на своего конфиденнта хотя бы часть этого тяжелого бремени. Но решиться на это очень трудно. Ведь тайна, доверенная даже самому близкому человеку, фактически перестает быть тайной. Но сегодня, когда вам удалось проникнуть к самым ее истокам, нет смысла скрывать от вас ничего. Вы можете меня осуждать или оправдывать – это ваше право. Но приговор ваш, как бы суров он ни был, для меня – ничто. Господь – единственный мой судья, и перед ним одним я буду держать ответ...

Воспоминания переносят меня к далеким годам моего детства. Детство! Для многих это самая счастливая пора жизни. Я же и сейчас, несмотря на то, что меня отделяет от него почти три десятилетия, срок, достаточный для того, чтобы сгладить самые страшные воспоминания, не могу говорить о нем без ужаса и не могу забыть...

Я родилась во Флоренции в богатой дворянской семье. С первых дней своей жизни была окружена заботой и любовью своих родителей. Но судьбе было угодно, чтобы на седьмом году я вдруг лишилась всех благ. Мои бедные родители умерли, и я была взята на воспитание родственницей моей матери, одинокой женщиной лет тридцати пяти. Я помню тот день, когда в осиротевший дом вошла мрачная женщина в черном, и холодно сказала:

– С этого дня ты будешь жить у меня. Называй меня «тетя». А теперь быстро собери вещи, через полчаса мы уезжаем. Поторопись, я не люблю опозданий. Можешь идти.

В доме тети меня ждала суровая жизнь. Маленькая комнатка, где единственным украшением было деревянное распятие. Жесткая постель. Молитва перед сном, молитва после сна, молитва перед обедом. Ежедневные визиты молодого священника падре Антонио, человека с жестоким выражением лица, холодными глазами и грубыми властными манерами. Исповеди превращались для меня в настоящую пытку, так нагло и бесстыдно он выпытывал у меня мои незамысловатые девичьи секреты.

Да, это было совсем не похоже на детство. Ни игр, ни развлечений. Я не знала, что такое смех, песни. Я была совсем одинока. У меня был только Бог, и я, молясь, делилась с ним своими горестями. Это несколько утешало меня, но после молитвы я горько плакала.

Так продолжалось несколько лет. Дни тянулись медленно и безрадостно. Однажды, когда мне было уже пятнадцать лет, тетя вдруг позвала меня к себе. Это было рано утром. Она еще лежала в постели.

– Подойди ко мне, – ласково сказала она. Мне еще никогда не приходилось видеть ее настроенной так доброжелательно. Жестом она приказала мне сесть у ее изголовья, потом вдруг притянула мою голову к себе на грудь, обняла меня и начала целовать, все крепче и крепче прижимая к себе. Пораженная, я поспешила высвободиться из ее объятий и убежала к себе. С этого дня каждое утро мне приходилось являться в спальню тети, ложиться с ней рядом и терпеть ее ласки, которые становились все более страстными.

– Как ты стала хороша, – говорила она мне, – какое у тебя горячее тело! – И она смеялась, обнимая меня, извивалась, запрокидывала голову, шептала бессвязные слова и снова смеялась. Тогда я, конечно, не догадывалась об истинных причинах ее привязанности ко мне, проснувшейся после стольких лет отчуждения, но чувствовала, что за всем этим что-то кроется, и ласки тетушки не радовали меня. Я уходила от нее встревоженная...

Как-то, после длительной беседы с падре Антонио, она позвала меня. Когда я вошла, падре внимательно осмотрел меня с головы до ног, удовлетворенно кивнул тете и внушительным голосом заговорил:

– Вы стали уже совсем взрослой, дочь моя. Пора уже подумать о вашем будущем. У меня нет никаких сомнений в том, что вы посвятите свою жизнь служению Господу, но я хотел бы предупредить вас об опасностях, которые ожидают человека на этом пути. Дьявольские козни подстерегают душу на каждом шагу. Только вам покажется, что вы ушли от соблазна, как дьявол уже смущает вашу душу следующим соблазном, еще более сильно захватывающим разум твой и тело. И устоять перед ним невыносимо трудно. Дьявол живет среди нас, дьявол живет внутри нас, и, чтобы изгнать его, не всегда достаточно молитвы и крестного знамения. И если вы грешны перед Господом, только страданием вы можете искупить свою вину перед ним, только страдание поможет вам очиститься. Если ваша вера истинна, то приготовьтесь к очищению, умертвите плоть свою, и Господь не оставит вас своей милостью. Приготовьтесь принять крестную муку и молитесь Господа, чтобы он дал вам силы и мужества все вынести. Сегодня вечером вам предстоит первое испытание. А сейчас идите с миром, дочь моя. Я буду молиться за вас, и Господь вас не оставит.

Подавленная и растерянная вернулась я к себе. Что меня ждет? Я попыталась молиться, но недобрые предчувствия уже полностью овладели моим сознанием. Все-таки я попросила у Господа поддержать меня в трудную минуту. Постепенно я успокоилась и продолжала думать о предстоящем испытании уже больше с любопытством, нежели с ужасом. Я вспомнила, что как-то тетка мельком говорила мне о каких-то истязаниях во искупление своих грехов, но говорила, скорее, как о чем-то приятном, чем страшном и мучительном. Теперь я уже с нетерпением ждала часа своего испытания, любопытство мучило меня, и мне казалось, что время идет невыносимо медленно.

Вскоре после того, как часы пробили полночь, дверь в мою спальню отворилась, и на пороге появилась тетя. Она приказала мне подняться и следовать за ней. Мы пришли в ванную комнату, где тетя сама раздела меня и омыла мое тело. После этого она подала мне черный балахон. Одев его на голое тело, я почувствовала какое-то необъяснимое волнение, душевный трепет и пришла в себя, лишь услышав приказ тетки идти. Тетя была одета точно так же, как и я. Длинная черная одежда зловещими складками скрывала очертания ее тела. Молча мы вышли из дома и сели в ожидавшую нас карету. Опять внезапно подступивший страх затуманил мое сознание, и я даже не заметила, когда мы остановились, и сколько времени продолжалось наше путешествие.

Дверь кареты распахнулась, и две сильные руки почти выхватили меня из кареты и поставили на землю. Я очутилась лицом к лицу с монахом, но рассмотреть его я никак не могла. Ночь была темная, а голова его была покрыта капюшоном. Тот же монах помог выйти из кареты и тетке. К тому времени мои глаза уже привыкли к темноте, и я смогла разглядеть, где мы находимся. Нельзя сказать, чтобы это место мне очень понравилось. Приземистый, лишенный всяких украшений каменный дом, похожий на конюшню или амбар, был окружен высокой каменной стеной. Окна дома были плотно закрыты тяжелыми ставнями. «Да, невеселое местечко!» – подумала я. Монах, сказав несколько слов кучеру, пригласил нас следовать за ним, и через несколько секунд мы уже стояли перед массивной дубовой дверью.

И вот я стою посреди обширной залы. Единственная свеча скудно освещала стены, задрапированные плотной черной тканью. Свеча горела неровно и тускло, и казалось, что толпа зловещих теней плотной стеной сомкнулась вокруг меня. В глубине залы возвышалась простая кафедра, на которой вдруг появился монах, лицо которого показалось мне очень знакомым. «На колени!» – шепнула мне тетя и, видя, что я не последовала ее совету, грубо толкнула меня. Ноги мои подкосились, и я тяжело опустилась на толстый ковер, устилавший всю залу.

Едва мои колени коснулись пола, как с кафедры раздался суровый голос монаха: «Готова ли ты к искуплению грехов, дочь моя?» Потребовалось снова энергичное вмешательство тетки, прежде чем я смогла прошептать свое «да». «Молись, дочь моя, и пусть Господь услышит твою молитву», – торжественно произнес монах и, не дожидаясь, пока я начну молитву, сам забормотал «Патер ностер». Я машинально повторяла за ним слова молитвы, не вникая в их божественный смысл.

Когда молитва была окончена, монах спустился с кафедры и медленно подошел ко мне. Только сейчас я узнала в нем падре Антонио. Увидев перед собой знакомое лицо, я почувствовала большое облегчение, и страх почти покинул меня. Тем временем святой отец уверенным и быстрым движением сорвал с меня мое одеяние, и я увидела, как его глаза загорелись алчным огнем при виде моего обнаженного тела. Когда он прикоснулся к моему плечу, я заметила, что его рука дрожит. И хотя мне было стыдно моей наготы, я с гордостью отметила про себя, что произвела сильное впечатление на падре.

Между тем рука святого отца скользила по моему телу, пока не остановилась у моих сомкнутых бедер. С силой раздвинув их, монах тут же погрузил свой палец в место, которого еще не касалась рука мужчины. Приятная дрожь охватила меня, и я даже не в силах была сопротивляться столь грубому посягательству на мою честь.

– Вижу, вижу, – торжествуя кричат падре, – дьявол... я вижу его...

Я не очень испугалась. Как-то мне удалось украдкой прочесть «Декамерон», и я уже знала, что изгнание дьявола – занятие, отнюдь не лишнее приятности. Однако через несколько минут мне пришлось убедиться в том, что я слишком оптимистически судила об этом, не предполагая даже, что существует много способов изгонять дьявола.

– Чур, чур меня, – между тем бормотал монах, истово крестясь.

Мне это показалось забавным, и я с интересом следила за взрослым мужчиной, который, будто заведенный, часто дергая рукой, осенял себя крестным знаменем.

– Дьявол! – вдруг зарычал падре. – Он должен пострадать!

Внезапная резкая боль вырвала из моей груди душераздирающий крик. Святой отец с лицом, искаженным от ярости, снова замахнулся хлыстом. Я не стала ждать второго удара и с проворством кошки отпрыгнула в сторону, но через мгновение хлыст вновь оказался занесенным надо мной.

– Пощадите! – взмолилась я, но монах, не обращая внимания на мои крики и слезы, снова ударил меня. Обезумев от боли, я вскочила на ноги и отбежала в сторону.

– Умоляю вас, пощадите! Я не вынесу этого! Лучше убейте меня... Сжальтесь! – закричала я, видя, что падре снова приближается ко мне.

От новых истязаний меня спасло вмешательство тетки.

– Негодная! – воскликнула она с возмущением. – Смотри! Какая кисейная барышня! – с этими словами она сорвала с себя капюшон, легла на спину и, раздвинув ноги, подняла их вверх. Падре Антонио обрушил на нее град ударов. Хлыст, со свистом рассекая воздух, покрывал тело моей тетушки кровавыми рубцами, она только грубо стонала да выкрикивала временами: «Сильнее... ах... еще сильнее!»

Это отвратительное зрелище против ожидания привело меня в исступление, меня охватило неудержимое желание занять место своей тети. Я была теперь готова вынести все что угодно.

– Теперь я! – пронзительно закричала я. Мгновенно тетя поднялась с ковра, подбежала ко мне и стала осыпать меня нежными поцелуями. Монах тем временем связал мне руки за спиной и закрыл глаза плотной повязкой...

Первый удар я перенесла довольно спокойно, но вскоре боль довела меня буквально до безумия. Я стонала, кричала, каталась по ковру. Но мой мучитель, не зная ни жалости, ни усталости, продолжал методично покрывать мое тело тяжелыми ударами. Но, как это ни странно,

чем сильнее он бил меня, тем менее чувствительным становилось мое тело к ударам хлыста. Через несколько минут я и вовсе перестала чувствовать что-либо и лежала в полном оцепенении. Теперь, когда боль покинула мое тело, я сквозь резкие звуки ударов хлыста стала слышать чьи-то голоса. Очевидно, в зале появилось довольно-таки много народу. Я слышала восторженные восклицания, крики, ликующий смех. Среди этих голосов выделялся голос моей тетки, я узнала его. Точно так же стонала и кричала она в те минуты, когда играла со мной по утрам в своей постели. Ее голос царил над всеми голосами, в нем слышалась животная страсть, похотливое желание...

Позднее я поняла, что зрелище моей пытки, этой кровавой сатурналии было нужно ей и ее друзьям, чтобы возбудиться, разбудить в себе жажду наслаждений. Каждый мой стон, каждый вздох, вид моей окровавленной наготы вызывал у них бурный приступ сладострастия.

Наконец уставший палач прекратил истязать меня. Отбросив в сторону орудие пытки, он развязал мне руки и снял повязку с моих глаз. Я была совершенно измучена и разбита. Мне казалось, что от смерти меня отделяет лишь одно мгновение. Но постепенно я снова стала обретать способность чувствовать. Сладкая истома овладела моим телом и, соединившись с адской болью, заставила трепетать мое избитое тело. Странное, неведомое доселе желание охватило меня. И, независимо от своей воли, я вдруг начала бесстыдно двигать своими внезапно ожившими и окрепшими бедрами, будто это движение могло утолить ненасытное желание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.